летию Евпаторийского городского краеведческого музея.– Евпатория, 1996.– С. 6-7.
5. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 1, л. 167.
6. Там же, л. 58.
7. Там же, л. 178.
8. Там же, л. 58.
9. Там же, л. 90.
10. Там же, л. 30.
11. Там же, л. 92.
12. Там же, л. 64.
13. Урсу Д. П. Востоковедение и востоковеды Крыма (1918-1941) // Востоковедный сборник / Таврический экологический институт.– Симферополь, 1997.– Вып. 1.– С. 22-23.
14. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 10, л. 12.
15. Урсу Д. П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921-1941).– Симферополь: Крымучпедгиз, 1999.– С. 33.
16. Непомнящий А. А. Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження.– Сімферополь: Бізнес-Інформ, 2003.– С. 227-229.
17. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 10, л. 38 об.
18. Там же, л. 58-59.
19. Там же, л. 38 об.
20. ПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 747, л. 103.
21. ГААРК, ф. Р-663, оп. 7, д. 115, л. 1-2.
22. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 6, л. 11.
23. Чепурина П. Я. Евпатория – ее живая археология // Крым.– М., 1925.– № 1.– С. 73-74.
24. Чепурина П. Я. Евпаторийский музей // Крым.– М., 1926.– № 2.– С. 200.
25. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 7, л. 214.
26. Чепурина П. Я. О Коране евпаторийской мечети // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи.– 1926.– № 3.– 7 сент.
27. Чепурина П. Я. Евпаторийская ханская мечеть Джума-Джами (Хан-Джами).– Евпатория, 1927.– 8 с.
28. ГААРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 1184, л. 23.
29. Там же, л. 24.
30. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 52, л. 48-50.
31. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 160.
32. Там же, л. 120.
33. Там же, л. 165.
34. Там же, л. 54.
35. Там же, л. 54 об.
36. ГААРК, ф. Р-663, оп. 7, д. 115, л. 3-4.
37. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 168.
38. Чепурина П. Я. Орнаментарное тканье крымских татар // ИТОИАиЭ.– Симферополь, 1929.– Т. 3.– С. 72-77.
39. Цит. по: Рославцева Л. И. Вклад П. Я. Чепуриной в собирательство и изучение предметов быта крымских татар // Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока: К 150-летию со дня рождения: Материалы международной научной конф. / Отв. ред. С. М. Червонная.– М., 2001.– С. 263-267.
40. ГААРК, ф. Р-663, оп. 7, д. 115, л. 8.
41. Там же, л. 5.
42. Чепурина П. Я. Татарская вышивка // Искусство.– 1935.– № 2.– С. 103-108.
43. Чепурина П. Я. О бытовом искусстве крымских народов // Социалистическая экономика и культура Крыма.– Симферополь, 1935.– № 5.– С. 83-86.
44. ГААРК, ф. Р-663, оп. 7, д. 115, л. 5.
45. Чепурина П. Я. Орнаментарное шитье Крыма.– М.; Л.: Всесоюзн. кооп. объединенное изд-ва, 1938.– 64 с.
46. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 166-166 об.
47. Коняхина З. Н. Карай Битиклиги – национальная библиотека крымских караимов // Известия Крымского республиканского краеведческого музея.– Симферополь, 1994.– № 8.– С. 62.
48. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 192-193 об.
49. Там же, д. 6, л. 68-68 об.
50. Там же.
51. Там же, д. 11, л. 192 об.
52. Чепурина П. Я., Ельяшевич Б. Караимские брачные договоры «шетары» // ИТОИАиЭ.– Симферополь, 1927.– Т. 1.– С. 181-195.
53. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 10, л. 3; д. 11, л. 171.
54. Ельяшевич Б. С. Евпаторийские караимские кенасы: Краткое описание.– Евпатория, 1928.– 16 с.
55. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 109.
56. Там же, л. 192 об.
57. Там же, л. 191 об.
58. Там же, д. 10, л. 194.
59. Там же, л. 194 об.
60. Там же, д. 11, л. 190.
61. Там же, л. 118.
62. Там же.
63. Там же, л. 119.
64. Там же, л. 91.
65. Там же, л. 93.
66. Там же, л. 93 об.
67. Там же, л. 95.
68. ЕКМ, ф. История музея, д. Акты сдачи-приемки коллекции, л. 12.
69. Там же, л. 43.
70. Там же, л. 44-48.
71. Кац З. Как ликвидировали в Евпатории музей // Красный Крым.– 1937.– 8 мая.
72. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 53.

Поцулко Е.А.

РОЛЬ БОЛГАРИИ В СТАНОВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 1911 – 1912 ГГ.

В начале XX века средиземноморско-балканский район сохранял свою устойчивую репутацию в мировой политике как один из основных центров конфликтного пересечения интересов великих держав, с одной стороны, и как чреватого внутренним взрывом геополитического пространства, с другой. Борьба за лидерство, разворачивавшаяся между государствами полуострова, была проявлением объективного процесса их становления как стран, имеющих региональную значимость. Всё это служило причиной, обостренного внимания представителей русской военной разведки за рубежом – военных агентов к развитию ситуации на Балканах.

Цель статьи – проанализировать роль Болгарии в развитии международных отношений в 1911–1912 годах. Для реализации данной цели необходимо выполнить ряд *задач,* а именно: рассмотреть деятельность военных разведок в этом регионе, а также изучить политическую ситуацию, развивавшуюся на Балканском полуострове в эти годы.

Определенные материалы по теме исследования имеются в работе А. А. Улуняна. Основой исследования по данной теме стали архивные материалы.

Попытки проникновения внерегиональных сил, прежде всего, из числа великих держав, на Балканы и Средний Восток; внутриполитическое положение в балканских странах; образование возможных военно-политических союзов и альянсов на полуострове – таковы были основные вопросы, представлявшие интерес для военных агентов, передававших информацию в штаб-квартиру разведывательной службы России, где, в так называемом, Балканском делопроизводстве, скапливались все данные, получаемые по каналам этой спецслужбы Генштаба.

На протяжении 1911 г. представители русской военной разведки в Балканских странах работали по целому ряду направлений, обусловленных спецификой государств, в которых они были аккредитованы. Так, в частности, в Румынии основное внимание уделялось проводившимся военным реформам и техническому обеспечению армии; в Болгарии – "политическим отношениям Болгарии с Турцией и с Австро-Венгрией", сбору данных "о военной деятельности Турции как на границе с Болгарией, так и на Босфоре, в связи с турецко-итальянской войной" [1].

Основным же военно-политическим вопросом, интересовавшим всех военных агентов России на Балканах, продолжала оставаться вероятность существования румыно-турецкой конвенции, которая могла создать серьёзные помехи для русской политики в балкано-средиземноморском регионе. В этой связи основной интерес русской военной разведки был привлечён к проектам строительства Дунайско-Адриатической железной дороги и железных дорог в азиатской части Османской Империи. Строительство железнодорожной линии, которая, как утверждалось, является «прочно связующей славянский мир Балканского полуострова и славянские державы с Россией», должно было стать «солидной политической подготовкой для совместного решения этими государствами стратегических задач на Балканском полуострове. «Если политика когда-нибудь поставит нашей стратегии задачу «не допустить вторжения германского мира на балканский полуостров», в частности – захвата им Салоник и Константинополя, то выполнение этой задачи будет в значительной степени облегчено наличием сквозного «всеславянского» рельсового пути, прорезывающего от Чёрного моря до Адриатического – Болгарию, Сербию, участок Турции с сербским населением, и Черногорию» [2].

Интерес к конкретным балканским странам в 1911 г. усиливался в моменты, когда там происходили события, способные повлиять на безопасность России и её место в мировой политике. Весной 1911 г. представитель военной разведки в Вене полковник Занкевич, делал вывод о том, что «слишком заинтересованная в отсрочке военных событий на Балканах Австрия не собирается пока выходить из пассивного положения, но учитывает возможность осложнений и готовится к ним. Только что совершившийся отказ Австрии от капитуляции в Болгарии – явление симптоматийное, ясно обрисовывающее её стремление к сближению с Болгарией» [3]. В специальном аналитическом материале, выпускавшемся в ограниченном количестве копий и носившем гриф секретности – «Сборнике Главного Управления Генерального Штаба» летом 1911 г. высказывалась мысль о том, что Австро-Венгрия пытается использовать временную передышку не для решения своих расстроенных финансов, а для усиления армии в интересах новых актов агрессии в будущем.

Вторым в 1911 г. по значимости для России государством на Балканах после Австро-Венгрии была Османская Империя, которая, в силу занимаемого геостратегического положения, связей с Германией – потенциальным противником Российской Империи, и особенностей русско-турецких отношений была объектом пристального изучения со стороны русской военной разведки.

Предупреждения о возможном изменении ситуации на полуострове и активизации военно-политических устремлений Турции русская военная разведка получила в середине 1911 г. непосредственно от болгарского царя Фердинанда. Характеристика, данная им складывавшемуся положению и оценка действий Османской Империи, выражались в констатации факта активизации программы вооружения Турции и роста её армии. Прогноз развития ситуации сводился к заключению о том, что Порта готовится к борьбе на Черном море, а само «политическое положение на Балканах весьма серьёзное; гроза может разразиться в ближайшие годы и нужно быть к ней готовым» [4]. Эта стратегическая информация была спешно передана из Балканского делопроизводства отдела генерал-квартирмейстерства Генерального Штаба военному министру В. А. Сухомлинову, сообщившему, в свою очередь о ней Николаю II.

Начавшаяся 16 сентября 1911 года итало-турецкая война становилась своего рода минимоделью возможного конфликта на Балканском полуострове, когда одна из великих европейских держав захотела бы изменить геополитическую конфигурацию, складывавшуюся там на протяжении последнего времени.

Отчетливо проявилось соотношение внутренних и внешних факторов, что давало основания военным наблюдателям для заключений относительно перспектив превращения войны между двумя странами в региональный военно-политический конфликт, способный объединить силы антитурецкой коалиции: «напряженная атмосфера, которую создает в Оттоманской империи столь неудачная для неё война, всегда грозит раз-

разиться новой революцией, которая служит сигналом для стихийного движения против Турции всех её соседей на Балканском полуострове, что неминуемо повлечёт за собой раздел турецких владений в Европе» [5].

Начавшиеся осенью 1911 г. секретные болгаро-сербские переговоры о создании союза двух государств в целях обороны против возможного турецкого нападения проводились при активном содействии русской дипломатии и представителей военного ведомства – военных агентов. Являясь сотрудниками военной разведки они вели информационно-аналитическую разработку военно-политических аспектов возможных событий на Балканах и пытались определить их основные последствия для каждой из стран региона: «Когда наступит момент, и когда ваши соотечественники сделают так, что вы получите львиную часть, никто не возразит против той маленькой части Македонии, которую русский император, под чьим покровительством и возвышенным чувством справедливости совершится это великое дело, даст Сербии. О, да! Если бы одновременно с ликвидацией Турции могло наступить и распадение Австро-Венгрии, разрешение очень упростилось бы: Сербия получила бы Боснию и Герцеговину, Румыния – Трансильванию и мы не боялись бы румынского вмешательства в нашу войну с Турцией» [6].

Находившийся в Болгарии русский военный агент полковник Г. Д. Романовский уже в начале февраля 1912 г. определил основные вопросы, связанные с реализацией внешнеполитических планов Софии и сделал рекомендации относительно поведения России в складывающейся ситуации. Так, в частности, в связи с тем, что, как он вполне справедливо полагал, болгарское правительство не согласилось бы предоставить Силистру и Балчик, «населенных почти исключительно болгарами», в виде компенсации Румынии, в случае расширения Болгарии за счёт части Македонии, Романовский приходил к соответствующему выводу: «при таких условиях поддержка нами румынских притязаний может крайне прискорбно отразиться на нашем престиже в Болгарии и даже повлечь за собой падение теперешнего кабинета. Между тем, последнее обстоятельство нанесет здесь нашим интересам весьма серьезный и трудно поправимый ущерб» [7].

Помимо существовавших болгаро-румынских противоречий военный агент прогнозировал обострение отношений между Болгарией и Грецией, в основе спора между которыми будет лежать борьба за право обладать Салониками. В целях сохранения болгаро-сербских отношений и влияния в Болгарии, а так же содействия наметившемуся греко-сербскому «союзу для борьбы с австрийской Албанией» [8] предлагалось «остаться в стороне» как от конфликта между Софией и Бухарестом, так и от прогнозировавшегося спора между Софией и Афинами [9].

Война в одиночку против огромной Османской империи для Болгарии была бесперспективной. К счастью, это понимали и болгарское правительство, и болгарская общественность. Поэтому уже 29 февраля (13 марта) 1912 года благодаря активности болгарской дипломатии между Болгарией и Сербией был подписан тайный договор о дружбе и союзе. Согласно этому договору, Болгария и Сербия гарантировали друг другу независимость и поддержку в случае нападения на них третьей стороны; «…обязались не заключать мира не иначе как только совместно и по предварительному соглашению» [10]; совместно выступали против Турции и в случае их успеха делили балканские владения последней. Если же между правительствами Болгарии и Сербии возникали какие-либо противоречия, то в разрешении спорных моментов решено было прибегнуть к арбитражу русского царя: «…Всякий спор, который мог бы возникнуть при толковании и исполнении какой-либо статьи сего договора, секретного приложения и военной конвенции, представляется на окончательное решение России»[11].

После заключения 29 февраля 1912 г. секретного болгаро-сербского договора, являвшегося в определённом смысле успехом и русской дипломатии, вопрос о возможных действиях Болгарии в регионе превратился в предмет пристального внимания аккредитованного в этой стране военного агента. Во многом подобный факт объяснялся опасениями, что София постарается подготовиться к боевым действиям втайне от России, с тем, чтобы последняя «не удержала её от выступления против Турции». Сведения, которыми располагал в этой связи полковник Романовский в начале апреля 1912 г., давали ему возможность сделать заключение о том, что «пока нет оснований опасаться самостоятельного выступления Болгарии против Турции, и наоборот, есть данные предполагать, что Болгария выступит только в том случае, если на Балканском полуострове, благодаря действиям Италии или Австрии, действительно разыграются серьезные события» [12].

Спустя два с половиной месяца был подписан (также втайне) болгаро-греческий договор против Турции; в нём вопрос о судьбе балканских территорий империи был обойдён, так как стороны не смогли договориться. Последней присоединилась к коалиции Черногория.

Так, к осени 1912 года был создан блок, где Болгария играла главную роль: она была наиболее крупным государством балканской коалиции, располагала сильной армией и заключила соглашения со всеми остальными союзниками в борьбе против Турции.

Подписание 30 апреля 1912 г. военной конвенции между Болгарией и Сербией, а также болгаро-греческого союзнического договора 16 мая того же года стало сигналом к выяснению возможных сроков военных действий против Османской Империи.

В конце лета – начале осени 1912 г. «болгарское направление» начинает становиться доминирующим в информационно-аналитических материалах военных агентов с Балкан. Именно позиция Софии по региональным вопросам приковывала внимание русской военной разведки, так или иначе рассматривавшей взаимоотношения между Болгарией и Османской Империей как главный показатель в определении степени вероятности войны на полуострове. Восприятие болгарских политических реалий проходило через призму противоборства «разумного правительства», удерживавшего

страну «от формального объявления войны Турции». Представитель военной разведки в Вене со ссылкой на политического деятеля из России сообщал в штаб-квартиру, что в болгарском правительстве уже откровенно говорят о будто бы принятом «решении использовать настоящее критическое положение Турции и, во второй половине сентября, совместно с сербами и греками, открыть военные действия против Оттоманской Империи. Необходимые соглашения с сербами и греками болгарским правительством заключены»[13].

Серьезность, с которой воспринималась возможность начала военного конфликта уже в самое ближайшее время обусловила оперативность, с которой представитель русской военной разведки в Болгарии, рассматривавшей её как наиболее вероятного инициатора территориального «передела» на полуострове из числа государств региона, сообщал в Отдел генерал-квартирмейстера, что «настроение армии и общества воинственное. Правительство настроено благоразумно. Серьезных военных приготовлений нет. Пока всё спокойно» [14]. Сам факт обращения к идее воздействия со стороны Российской Империи на Болгарию говорил о том, что не только в русской военной разведке рассматривали эту страну как наиболее вероятный источник угрозы для Турции. В то же время, сообщение, пришедшее в санкт-петербургскую штаб-квартиру разведки от военного агента в Порте генерал-майора И. А. Хольмсена, делавшего вывод о том, что «турки до самого последнего времени ничем не высказывали беспокойства по поводу возможного со стороны болгар нападения» [15], не позволяло делать однозначные прогнозы относительно сроков и инициаторов конфликта.

Начало боевых действий ожидалось 1 октября 1912 г. В складывавшейся ситуации для военных аналитиков в русской военной разведке, а также руководства Генерального Штаба была важна характеристика положения в самой Турции. Аналитическая оценка преимуществ и недостатков в сфере оборонной готовности Турции учитывала прежде всего «болгарский фактор», а не коалиционное взаимодействие государств Балканского союза. Усиление военных контингентов на отдельных участках пограничных с Болгарией районов Османской Империи рассматривалось как «оказывающее успокаивающее влияние на умы болгарского Королевства».

Явный диссонанс между сведениями и выводами, полученными от военных агентов в Черногории, Болгарии, Румынии и Греции, с одной стороны, и Османской Империи, с другой, затруднял формирование целостного представления о перспективах развития ситуации на Балканском полуострове в ближайшем будущем. Успокаивающие заключения из Константинополя находились в прямом противоречии с данными, переданными представителями русской военной разведки из малых государств полуострова. Так, полковник Романовский доносил из столицы Болгарии в штаб-квартиру о существовании единственного шанса предотвратить войну путём дарования «автономии Македонии с гарантией держав». Однако и он пришел к выводу о возможности начала войны в самом ближайшем будущем, так как ограничивал сроки переговоров по Македонскому вопросу одной неделей, а в противном случае «ручался головой», что Болгария ни при каких условиях не остановится, для неё теперь отступления нет, выступление Австрии против Сербии болгар не остановит. Оставалось неясным кто из участников антиосманской коалиции выступит в роли инициатора боевых действий – Болгария (на таком предположении настаивали военные агенты в Турции, Румынии и их коллега в Софии) или Черногория с Сербией (эту точку зрения отстаивал военный агент в Цетинье).

5(18) октября 1912 г. Болгария, Сербия и Греция объявили Турции войну. Черногория выступила девятью днями раньше. Так как борьба с Турцией была для Болгарии и всех балканских стран освободительной, то патриотический дух всех народов Балканского полуострова привлёк к разгрому основных сил османской армии уже через четыре недели. Быстрые победы балканских союзников потрясли весь мир.

21 ноября (3 декабря) 1912 г. было подписано перемирие. В середине декабря 1912 г. в Лондоне открылась конференция делегаций воюющих стран с целью заключения мира. Балканские союзники требовали, чтобы Порта уступила им все свои балканские владения; они добивались также отказа султана от всех островов в Эгейском море. Однако между балканскими союзниками возникли серьёзные противоречия по поводу раздела территорий. И только под давлением великих держав 17 (30) мая 1913 г. был подписан Лондонский мирный договор. Согласно статьям этого договора, Турция передала победителям все свои балканские владения западнее линии Энез-Мидье; признала независимость Албании; а вопрос о судьбе островов в Эгейском море передавался на рассмотрение великих держав.

Победа Болгарии и её союзников над султанской Портой, с одной стороны, принесла освобождение народам Македонии, Албании и другим областям Балканского полуострова, с другой – так и не принесла мира и спокойствия на Балканы.

Источники и литература

1. Улунян А. А. Информационно-аналитическая работа русских военных агентов в странах балканского полуострова: кто первым и когда начнёт войну? (1911–1912 гг.) // Московский Исторический Журнал. – № 1, январь – февраль 1999. – С. 7.
2. Цит. по: Там же. – С. 8.
3. Цит. по: Сборник Главного Управления Генерального Штаба. – № 25 (июнь). – 1911. – С. 6.
4. Российский Государственный Военно-исторический Архив (Далее – РГВИА). – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 3067. – Л. 4. Романовский – в Генштаб, София, 8 июня 1911 г.
5. Цит. по: Там же. – Д. 7382. – Л. 13. Выдержки из рапорта военного агента в Австро-Венгрии от 13 сентября 1911 г. – № 345.

6. Цит по: Международные отношения. 1870 – 1918 гг.: Сборник документов / Под ред. В.М. Хвостова. – М.: Военно- политическая ордена Ленина Академия Красной Армии им. В.И. Ленина, 1940. – Т. II. – С. 209.
7. Цит. по: Улунян А. А. Указ. соч. – С. 10–11.
8. Имелось в виду проникновение Австро-Венгрии в Албанию и стремление Вены превратить эту османскую провинцию, в которой, начиная с 1910 г., усиливалась национально-освободительная борьба против Порты, в форпост Дунайской монархии на Адриатике.
9. РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 3002. – Л. 23.
10. Цит. по: Международные отношения. 1870-1918 гг…– Т. II. – С. 209.
11. Цит. по: Там же. – С. 211.
12. Цит. по: РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 7392. – Л. 13. Романовский в Генштаб, София, 4 апреля 1912 г.
13. Улунян А. А. Указ. соч. – С. 13.
14. Там же.
15. РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 3843. – Л. 54. Копия рапорта военного агента в Турции от 9 сентября 1912 г. за № 198 в Отдел Генерал-квартирмейстера Главного Управления Генерального Штаба.

Романько О.В.

БЕЛОРУССКАЯ КРАЕВАЯ ОБОРОНА (февраль – июнь 1944 г.). К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Постановка проблемы. Долгое время большинство вопросов, связанных с немецкой оккупационной политикой на территории СССР, не могли быть предметом серьезного исследования. Одним из таких вопросов, не нашедших, по разным причинам, должного отражения в научной литературе, является история так называемой Белорусской краевой обороны *(Беларуская краёвая абарона; БКА)*, созданной националистами при активной поддержке немецких оккупационных властей. Несмотря на свой локальный характер, значимость этого воинского формирования выходит далеко за белорусские рамки. Дело в том, что это была уникальная в своем роде организация, так как ни до, ни после нее немцы не пытались привлечь население оккупированных территорий в создаваемые ими части и соединения путем полноценной призывной кампании. С другой, белорусской, стороны, это была единственная в своем роде попытка на оккупированной территории СССР создать свои, несоветские, национальные вооруженные силы и также по всем правилам военной науки.

Научное и практическое значение данной темы заключается в том, что введенный в научный оборот документальный материал, методология изучения проблемы, теоретические выводы и обобщения могут быть использованы для дальнейшего изучения данной или смежной проблематики.

Нельзя сказать, что проблема БКА не нашла за последние 50 лет своего отражения в *историографии* второй мировой войны. Ее в своих исследованиях упоминали, как советские, так и белорусские эмигрантские авторы (см., например, работы В. Романовского, Л.В. Аржаевой, К.И. Доморада, И.М. Игнатенко, Ю. Вицбича, В. Шнека и Л. Юревича). Однако у всех этих авторов явно прослеживается одна и та же, хотя и разнонаправленная, тенденция: либо принизить роль этого воинского формирования, низведя его участников до уровня обычных предателей, либо поднять эту роль до таких высот, какой она не мыслилась даже создателям БКА. Что касается современной историографии Республики Беларусь, то в ней, фактически без концептуальных изменений, сохранились оба эти направления (см., например, работы А.К. Соловьева, Т. Клыковской, А. Гордиенко и С. Ерша). Единственным их отличием от предыдущего этапа историографии является введение в научный оборот нового фактического материала, тогда как попрежнему напрочь отсутствует анализ БКА как явления военно-политической истории второй мировой войны [1].

В связи со сказанным, *целью* данного исследования является научное обоснование тезиса о том, что БКА являлась уникальным в своем роде воинским формированием в составе иностранных добровольческих частей германских вооруженных сил, и, в связи с этим, осмысление ее военно-политической роли в немецкой оккупационной политике на территории СССР.

Поэтому в работе были поставлены следующие *задачи*:

- выяснить политические и военные причины, которые привели к созданию БКА;
- рассмотреть систему ее организации и подготовки;
- проанализировать систему ее боевого применения, и те причины, которые оказывали на нее влияние.

***

22 января 1944 г. на первом заседании Белорусской центральной рады (БЦР) ее президент Р. Островский [2] заявил, что главной задачей этого нового белорусского политического органа является организация белорусских сил для борьбы с коммунистическими партизанами и, вообще, с большевизмом. Естественно, что такая борьба в первую очередь должна была быть вооруженной.

На тот момент в Белоруссии существовала вспомогательная полиция, в разных частях которой проходило службу около 20 тыс. человек. Однако ее только с большой натяжкой можно было назвать «белорусскими вооруженными силами», так как она целиком находилась в распоряжении немецких полицейских властей. Кроме того, было еще несколько батальонов белорусской самообороны, которые находились в стадии расформирования. Поэтому, после ряда совещаний, БЦР постановила создать вооруженные силы, которые, хотя бы и подчинялись немцам, однако имели бы ярко выраженный белорусский национальный характер. Новые белорусские формирования должны были создаваться одновременно и по принципу